

нами горцев являются на русском языке „Вольные Горцы“ в Праге и „Горцы Кавказа“ в Париже, на французском языке общий орган Украины, Кавказа и Туркестана „Promethée“ и специальный бюллетень ассоциации „France-Orient“.

Национально-политическая идеология и программа горцев сводится к следующим основным положениям (приводим почти дословные цитаты):

- I. Мы, горцы, не связанные с русскими ни расовым, ни языковым, ни культурным, ни бытовым сходством, ни родством, хотим жить сами без опекунов и хозяев. Хотим сами распорядиться тем, что нам дает наша земля. Войны мы русскому народу не объявляем. Искренне хотим быть с ним в добром соседстве, но к свободе и независимости будем стремиться всеми нам доступными средствами.
- II. Горцы веками жили своей независимой демократической жизнью; имели свою культуру, свою литературу, музыку и искусство, установленные в своем развитии русской властью. Горцы — этот маленький героический народ, ведший около века кровавую войну за свою свободу с могущественной Русской Империей, имеет право на лучшую участь.
- III. Установление между всеми частями горского населения, живущего на Кавказе и в эмиграции, духовной связи, чтобы они жили общей национальной жизнью. Народная консолидация через развитие своей литературы, через образование на родном языке.
- IV. Русское царское правительство вынудило горцев в количестве 1^{1/2} миллиона душ к переселению в страны Ближнего Востока. Эти жертвы русского империализма, десятилетия лет живущие в невольной эмиграции, до сих пор не утратившие ни обычая, ни языка, ни любви к своей родине и, что всего важнее, связи с ней, — должны получить право и возможность возвращения на родину.
- V. Устройство горской государственной жизни на широких демократических основаниях в теперешнем европейском смысле этого слова.
- VI. Политическая независимость Северного Кавказа в составе независимой Кавказской Конфедерации. Общность исторической судьбы народов Кавказа и их взаимная экономическая заинтересованность и связанность, — вот основа общекавказской солидарности. Подготовить теперь же реализацию Кавказской Конфедерации — текущая задача органов Кавказа; первое условие для этого — признание необходимости делегирования конфедеративному органу части своих полномочий отдельными республиками Кавказа.
- VII. Кавказская эмиграция ушла от русских оккупационных армий белых и красных. Борьба за независимость требует жертв очень больших и тяжелых. Горцы верят в успех этой борьбы. В ней Азербейджан, Грузия и Северный Кавказ рассчитывают только на себя. Никаких других ориентаций нет. Поддержка извне найдена со стороны Украины и Туркестана.
- VIII. Горцы хотят мира, а не войны с соседями. Признание за Кавказом безоговорочного права на самоопределение должно предшествовать всяким соглашениям. Реализация окриков „а мы вас покори́м

свялой“, недопустима, пока существует Лига Наций. Горская интеллигенция, которой не было во времена Шамвля, ныне объединяет горцев и формулирует их национальные задачи.

- IX. Россия эксплуатировала природные богатства Кавказа (нефть), однако не давала Кавказу ничего взамен. Если Россия заинтересована в продуктах нашего края, то для этого существуют торговые договоры, по которым она может получить то, что ей нужно.
- X. Основные препятствия осуществлению идеалов горцев составляют:
 - а) русские империалистические тенденции, белые и красные, одинаково враждебные идее независимости Кавказских народов.
 - б) идея, что б. Россия представляет единое культурное и экономическое целое.
- XI. Территориальная программа горцев не сформулирована и не зафиксирована в каких бы то ни было государственно-политических актах или политических программах. Фактически власть Северо-Кавказской Республики распространялась в разное время только на Дагестан, Чечню и Ингушетию, отчасти на Осетию и Кабардино-Балкарскую область и совершенно не распространялась на западные горские области: Карачаевскую, Черкесскую и Черкесско-Адыгейскую, входящие по особому соглашению в состав Кубанской Народной Республики.

Отсутствие официально сформулированной территориальной программы создало в устном обращении равноречия, которые можно свести к двум основным вариантам: максимальному и минимальному. Первый вводит в границы Северо-Кавказской Горской республики все земли по левый берег Кубани (включая округа Черноморский, Майкопский, часть Екатеринодарского и Армавирского) и правый берег Кумы (округ Терский). Второй — минимальный — ограничивается введенным в состав горской республики автономных областей и округов Северо-Кавказского Края и Дагестанской АССР в современных их советских границах, за исключением Адыгее-Черкесской и может быть Черкесской и Карачаевской авт. областей.

Максимальная программа базируется на исторических правах горцев на земли по Кубань и Куму и на необходимости обеспечить землю имеющих возвратиться на родину подтора миллиона горцев-эмигрантов. Негорское население должно быть выселено на основах, аналогичных мероприятиям, проводимым в настоящее время Францией в возвращенной Эльзас-Лотарингии.

Минимальная программа более придерживается современного этнографического положения и требует лишь исправления национальных череполовности там, где негорское население расчленяет целые горские территории. Этим исправлением череполовности, равно как введенным в состав горской республики негорских округов Дагестанской Авт. ССР. (Кизлярского и Ачикулакского) минимальная программа предполагает разрешить земельный вопрос, как для эмиграции, так и для местного перенаселения.

(Окончание следует).

Шамба Балинов.

Хорошая, но неосуществимая идея.

(Вместо рецензии на книгу Н. Гольденвейзера-Любимова — „Да здравствует Эмиграция!“).

Прекрасно написанная и хорошо изданная маленькая книжка г. Гольденвейзера-Любимова производит странное, двойственное впечатление, впечатление смеси реального с утопией, здорового с нездоровым. Читая первую часть книги, часто думаешь: какая верная картина всего того, что было в б. Российской Империи, что есть сейчас в эмиграции. Умелый, здоровый анализ, смелые, даже дерзкие выводы, заключения. Веро-

ятно, русские „вожди“ от политики на страницах своих печатных органов подвергнут осмеянию эту часть книги за ее „научность“ и т. д., но мы этого сделать не можем, ибо многие положения автора доказывались еще раньше на страницах „В. К.“

Конечно, с некоторыми утверждениями автора можно спорить, отвергать, но нельзя отказать ему в хорошем знании тех глубоких, внутренних противоречий, не-

калечных „болезней“, которые имели место в социально-экономической и общественно культурной жизни б. Империи. На протяжении немногих страниц, автор яркими штрихами рисует картину, как „русская малая кучка интеллигентов“ реяла в небесах и как постепенно она превратилась в иностранцев для своего народа. Чувствуется искренность, когда автор на протяжении всей книги упорно призывает русскую эмиграцию, вернее, ее политических вождей, отказаться от напрасных, бесплодных споров о прошлых грехах своих и от бесплодной борьбы по вопросу о форме будущего государственного строительства России, а заняться вопросом настоящей судьбы эмигрантов, реальным делом. Прежде и важнее всего реальность. Но, когда читаешь вторую часть книги, посвященную этому „реальному делу“, то невольно думаешь: реальность, построенная на нереальности, — неосуществимая идея.

Книга начинается длинной цитатой из рассказа Куририна „Стрекоза и Муравей“. Аллегория „Стрекоза“ — это русская интеллигенция, а „Муравей“ — народ.

„Вот, — думал я, — стоим мы, малая кучка интеллигентов, лицом к лицу с неисчислимым, самым загадочным, великим и угнетенным народом на свете. Что связывает нас с ним? Ничто. Ни язык, ни вера, ни труд, ни искусство. Наша поэзия смешна ему, нелепа и непонятна, как ребенок. Наша утонченная живопись — для него бесплодная и неразборчивая пакотина. Наше богословие и богостроительство — сплошная блажь для него, верующего одинаково свято и в Параскеву-Пятницу и в дешего с башенником, который водится в бане. Наша музыка кажется ему скучным шумом. Наша наука недостаточна ему. Наш сложный труд смешен и жалок ему, так мудро и терпеливо и просто оплодотворяющему жестокое лоно природы. Да. В страшный день ответа, что мы скажем этому многомиллионному ребенку и зверю, мудрецу и животному, этому многомиллионному великану? Ничего. Скажем с тоскою: „Я все цела“. И он ответит нам с коварной мужицкой улыбкой: „Так поди же попляши“.

Это пророчество Куририна, высказанное им еще до войны, буквально сбылось, и русскому высшему классу пришлось здорово и до сих пор „плясать“. Автор утверждает, что иначе и быть не могло, ибо „в довоенной России интеллигенция, чиновничество, офицерство, помещики, купцы, фабриканты были для народных масс иностранцами, говорящими на чужом языке и живущими чужой жизнью... Русское образованное общество в России было в том же положении, что и англичане в Индии... Оно находилось на положении чужеземных властителей в завоеванной стране... Ему было в высшей степени свойственно глубоко и бессознательно презирать русские народные массы...“

Подобные бессмысленные положения автор выставляет в первой части своей книги. Но можно ли считать бесспорными эти положения в применении к интеллигенции других народов, входивших в состав б. Империи, в частности к интеллигенции Казачества?

Вообще, Казачество было бедно своей интеллигенцией. Часть ее, бессознательно подчиняясь веками установившейся казачьей традиции, укладу жизни, быту, основанному на принципе равенства, братства, никогда не разрывала тесной, органической связи со всей казачьей массой, считая себя не высшим, а таким же равноправным членом Казачьей Семьи. Между этой частью интеллигенции и всей казачьей массой не было никакого отрыва.

Но, другая часть казачьей интеллигенции, подчиняясь „колоннальной“ политике Москвы или Петрограда, сводившейся к отбору всех лучших, образованных, энергичных элементов у подчиненных народов и отправке их в другие края, чтобы результаты их ума и знания не пошли на пользу родного им народа, — уходила из Казачьих Земель в другие края и отдавала все плоды своего ума, образования и энергии на пользу господствующего народа, на усиление, укрепление колониальной политики правительства этого „господствующего“ народа. Как ни грустно подобное явление, но

нужно признаться, что в прошлом было так. Но, нужно надеяться, что в будущем так не будет.

Что такое большевики, кто их придумал? — задает вопрос автор разбираемой книги. И отвечает: „Это кошмар, померещившийся русскому образованному обществу: карамазовский „черт“, двойник, вызванный к жизни угрызениями совести, мучившими в течение двух столетий верхние классы русского общества“, иными словами — само высшее русское общество, вернее, — создание его фантазии.

„Народ придумал Стеньку Разина, Емельку Пугачева. А декабристов, народовольчество, марксизм, „Бесов“ придумали дворянство, чиновничество, интеллигенция, богатые купцы, адвокаты, студенты“. Большевики — прямые наследники „Пестеля с Писаревым“. Поэтому большевики являются органической частью того чуждого и ненавидящего народную массу высшего русского общества, вот почему „язык, вера, искусство и труд“ большевиков являются также чуждыми, далекими, непонятными для народной массы. „Ибо, расстояние, отделяющее народ от большевиков, тождественно с расстоянием, отделяющим народ от образованного общества Петербургской России. Большевики это — нечто иное, как alter ego телерешней эмиграции, или, иначе говоря, — русское образованное общество 19 и начала 20 веков, доведенное ad absurdum. Сперанский, Аракчеев, Пестель, Рылеев, Лорис-Меликов, Победоносцев, Витте, Плеве, Миллюков, Сухомлинов, Чхеидзе, Крупенинский, Керенский, Чернов и Ленин по своим вкусам, навыкам, способам мыслить и веровать — бесконечно ближе друг к другу, чем к огромному большинству мужиков, мещан, ремесленников или чернорабочих“.

Всю „бесконечную перебранку между политическими лидерами эмиграции“ автор называет: „милые бражки — только теиатся“, ибо сотни раз „в действительности менялись и продолжают меняться“ самые святы „убеждения“, а „культурные навыки“ „язык, вера, труд и искусство“, несмотря на неслыханные испытания, муки, потерю, перемену всей внешней обстановки, все те же“.

Словом, русский народ складывался из двух неравномерных слагаемых, взаимно друг другу чуждых: из многомиллионного забытого, нежестявенного, бесправного русского населения („Муравей“) и немногих по численности чужеземных колонизаторов — „маленькой кучки интеллигентов“ — („Стрекоза“). Между этими двумя частями не было ничего общего, ничто их не связывало. И как бы эти интеллигенты теперь между собою не ругались, внешне друг друга не поносили, они духовно остаются близкими едиными, крепко спаянными „языком, верой, трудом и искусством“, а вместе с тем все части этой „кучки“ были „совершенно и одинаково чужды народным массам“.

Причем, эта „Стрекоза“, чуждая, презирающая и ненавидящая русского мужика, создала русскую культуру, в развитии которой „народ в своем огромном большинстве никакого участия не принимал“. Она („Стрекоза“) „и есть единственно подлинная, уже существующая и общепризнанная во всем цивилизованном мире „Россия““.

„Все остальное — либо географический термин, либо международное политическое понятие (Российская Империя, точно также, как „British Empire“ — меняющийся, переходящий конгломерат), целиком принадлежащее прошлому, ибо на его месте царит международно признанный URSS: либо более уакий этнографический термин, обозначающий великорусское племя и поэтому совершенно несправедливый и не имеющий права претендовать на создание русской культуры в целом“.

До 1917 года „Пение“ и „Пляска“ этой чуждой нации „Стрекозы“ определяли жизнь народа — „Муравья“, претензии которого „на роль хозяина в своем доме могли быть основаны исключительно на его физической силе по отношению к „малой кучке“. Эта маленькая кучка, находившаяся в России „на положении иноземных завоевателей“ я была „Россией“, все остальное — воск, из которого можно лепить какую угодно фигуру, как теперь вылепили СССР. Конечно, для

такой „левки“ нужны были известные условия. „Развитие благосостояния, просвещения, колонизации, международной мощи России должно было уравновесить и оправдать двухсотлетнее иновоемное владычество“. Нужно было „проявить такие блестящие заслуги и достижения таких очевидных результатов, которые непоколебимой необходимостью доказали бы народным массам преимущество и желательность руководства дальнейших судеб России“ этой самой „маленькой кучкой“.

При разумной политике это „равновесие“ было достижимо. Но, вследствие многих причин, „внешняя мощь“ подорвалась, „развитие колонизации“ прекратилось и пришло время, когда „Муравей“, „одурманенный внезапным сознанием своего грубого, чисто физического, численного превосходства“, грозно крикнул „Стрекозе“: „ты все цела — так поди же попляши“. И „Стрекоза“ беспрекословно подчинилась этому „безумию“ и со свойственным ей легким сердцем пошла „петь“ и „плясать“ по всему миру.

Но, этому безумному „ндраву“ русского „Муравья“ противостали гордые сыны Казачества, защищая свои Земли, свое право на самостоятельную, свободную, вольную жизнь, оберегая свой уклад жизни, свой народный быт, и в течение трех лет, истекая кровью, напрягая все свои силы, вели страшную, кровавую борьбу. Но, сила солому ломит. Русский „Муравей“ своей многочисленностью (при помощи измены и заблуждения части Казачества!) подавил казачью народную борьбу и привел все другие народы под ноги большевиков, которые „спасли“ Россию от продолжительной анархии“, „сохранили большую часть государственной территории и международного престижа. Если на территории СССР сохранилось что-либо от культурной России, то не перекор большевикам, а благодаря большевикам. Они спасли русский народ от несмываемого позора длительных и откровенных, совершенных народными массами зверств...“

Одним словом „группа Ленина — плоть от плоти и кость от кости тех же самых образованных классов, которые создали русскую культуру“, кровью и железом подавляя все народы, подчиняя их Москве, переходя „от старого режима к восстановленному владычеству бюрократии“, — делала русское дело, дело собирания Руси...“ И „в этом утверждении нет, даже по существу, ничего нового“. Первый раз „русские народные массы хотя бы лишь на одно историческое мгновение — нашли общий язык с большевиками...“ Большевиком, этим „уаколобым фанатиком“ удалось в этот момент взнуздать обезумевшего и закусившего удила коня. Удалось даже оседлать коня и удержаться в седле в течение десяти лет...“

„Сохранение целостности Империи и спасение незаменимых культурных ценностей, ставшее возможным только благодаря своевременному перемещению центральной власти в Москву... Это заслуга большевиков... Это есть ничто иное, как продолжение культурной традиции русских образованных и правящих классов“, т. е. выполнение тех условий, при которых „иноземные владыки“, колонизируя новые территории, создавая внешнюю мощь, вооруженную силу, могут управлять завоеванной страной.

Что же касается идеи большевизма, коммунизма, то это все сказки. „То, что есть — есть дряхлеющее недоразумение. Большевизма просто не может быть, и, строго говоря, никогда и не было“.

Указания на жестокости большевиков — детский лепет. Управлять завоеванной страной и белых чертах нельзя. Тем более жестокости — историческая традиция правителей России. Жестокости большевиков в сравнении с тем, что было раньше — детская игра.

„В истории создания Российской Империи было немало таких этапов, перед которыми зверства и жестокости большевиков кажутся детским лепетом: судьба Новгородца и многих удельных князей и княжеств, опричнина и развлечения Иоанна IV на лобном месте; изысканные казни стрельцов и Петербург, построенный буквально на костях десятков тысяч умученных рабов, а также современное этому святотатственное обезглавление Православной Церкви; почтенная деятельность Бирона; усердная администрация Павла I; Аракчеевщи-

на; тупоумное зверство Николая I; подавление польского восстания и, наконец, карательные экспедиции и военно-полевые суды 20 столетия. Все это представляет собою такую невыразимую словами бедную ужаса, свирепости, садизма, бессмысленных и бесчеловечных издевательств, что попытка создать главный аргумент против большевиков из их кровожадности и жестокости не может быть объяснена ничем, кроме, м. б., бессознательной демагогией“.

Для тех, кто веками привык к „бессмысленным и бесчеловечным издевательствам“, кто своим горбом, своей кровью добровольно помог, водрузил и укрепил власть тех, кои не знают иного метода управления, кроме невыразимой словами „бедны ужаса, свирепости, садизма“, — для тех большевикские жестокости, конечно, детский лепет. К тому же, они делают русское дело, дело сохранения под властью Москвы народов, дело колонизации.

Но для Казачества, никогда не знавшего рабства, ставившего человеческую свободу, человеческое достоинство выше всего, всегда борющегося против жестокостей правителей, и в недавнем прошлом с оружием в руках, отстаивая свою свободу, борющегося против новой жестокости, против новых колонизаторов Казачьих Земель и пролившего потоки казачьей крови, — подобные смягчения вины, преступления большевиков, делаемые г. Гольденвейзер-Любимовым, непонятны, неприемлемы.

Так оправдываются дела и действия большевиков, видимо, потому, что они делают русское национальное дело, дело подчинения народов Белокаменной Москве, ценою кровавого подавления, обезоруживая и заставляя молчать их. Что касается молчания самого „господствующего“ великорусского народа, то он давным давно привык к покорности, рабскому молчанию, лишь через века выявляя свой „ндрав“. А пока что его именем будет управлять и укреплять „Великую Россию“, этому народу чуждая, его презирающая „левая часть“ единой, крепкой „малой кучки интеллигентов“ — „Стрекоза“. Не беда, что это делается под вывескою СССР, а важно существование самого дела.

Так блестяще охарактеризовав прошлые взаимоотношения верхов и низов русского народа, их „разностояние“; определив работу большевиков, как культурную историческую миссию, как „неизбежный этап в развитии русской культуры“, автор переходит к верной и убийственной характеристике многочисленных „вождей“ всех оттенков... „бывших руководителей русской дореволюционной политической мысли, которые и по сию пору пытаются делать российскую политику в Белграде, Варшаве, Праге, Берлине, Париже“, и к щедрой похвале всей остальной эмигрантской массы, которая „дала блестящее и беспорное доказательство своего всестороннего превосходства перед изгнавшими ее народными массами...“, яркий пример выносливости, трудолюбия, энергии, инициативы и высокой культуры“.

Эта „эмиграция была и есть соль русской земли. Ничего подобного эмиграции не только по уму, таланту, образованию, техническим знаниям, но и по энергии, трудоспособности, порядочности, хорошему вкусу, воспитанности и благородству на территории СССР вновь не возникло“.

Но, у этой эмиграции есть свои злые гении — „вождей“ политические, у которых „беззастенливо люблю родину — только до тех пор, пока родина отвечает моим хотя бы минимальным и самым элементарным моральным, духовным и материальным потребностям. Если же моя родина превращается в страну торжествующего хама, то я продолжаю любить прошлое моей родины и мечтать о ее будущем, но моей родины в ее настоящем виде не люблю“.

Поэтому лозунгом лучшей, деловой части эмиграции должно быть: „Долой „мировоззрения“ и политические программы!“ Долой генералитет от политики и от публицистики! Долой бессмысленную тиранию присяжных ораторов и газетных передовиков!“

Ибо „вся проповедь этих „вождей“ сводится ко взаимным обвинениям в прошлых грехах и к обсуждению будущих форм политического и социального устройства России“ и наблюдается „совершенно одинаковое

и полное отсутствие в них каких бы то ни было конкретных планов практической деятельности в настоящем".

«Но что же делать в настоящем людям, находящимся вне России?» — задает автор вопрос. И отвечает, поставив отдаленным идеалом «триумфальное возвращение на родную территорию сильной, уважаемой, знающей себе цену организованной эмиграции», — сейчас же приступить к подготовке возможности «одновременного возвращения организованной эмиграции на заранее готовое для нее почетное место».

Эта подготовка даст нужные результаты при одном непереносимом условии, когда эмигранты, отказавшись от бесплодных споров в форме социально-политического устройства будущей России, немедленно приступают к практической деятельности по «организации и объединению разрозненных усилий в областях экономической, общественной и просветительной». Эмиграция должна превратиться в единый «общественно-экономический организм», доказать миру свою жизнеспособность, умение самим себе помогать, свою силу, мощь и тем «завоевать себе такое положение, при котором сочувствие, содействие и деятельная помощь со стороны иностранцев станут естественными и неизбежными», ибо «только люди пытающиеся и умеющие сами себе помогать — имеют право рассчитывать на чужую помощь».

Практическое предложение автора сводится как бы к тому, чтобы вызвать второе издание Зарубежного Съезда, но без политики. И хочется сказать: «и новизны твоей — старина слышится». Далее он рисует заманчивую картину возможных блестящих результатов от такого объединения всей эмиграции. Желания понятные, цели благородные, но, как говорят, добрыми пожеланиями и дорога в ад вымощена. Нельзя объединить не-объединимое. Вся положительная программа автора кажется реальностью, основанной на нереальности, здоровой, но не осуществимой идеей.

Автор слово «Эмиграция» всюду пишет без прилагательного. Всяду настоячиво ограничивается двумя терминами: Россия и Эмиграция. Повидимому, все эмигранты вышедшие из СССР, для него являются русскими эмигрантами. Но мы знаем, что эмиграция состоит не из одних русских (великорусских) эмигрантов. Но, как раз именно в предложении к этим последним практические предложения автора, не реальны, утопичны. По признанию самого автора, пока живы старые политические «вожди», занимающиеся бесконечным, бесплодным спором о форме государственного строительства буду-

щей России, невозможна никакая практическая, полезная в настоящем, работа. Проната между русскими «вождями» и народной массой бездонна. При том, в руках этих «вождей» могучее орудие воздействия на массу — вся русская эмигрантская пресса. Что с ними делать? Ждать их вымирания? Пришлось бы ждать очень долго...

Но предложения Гольденвейзер-Любимова могут стать очень реальными в применении к казачьей эмиграции. Эта последняя, за исключением отдельных лиц, крепко связанных с русскими политическими партиями, является единой, крепкой, думающей одну думу, стремящейся к одной цели, дружной, спаянной казачьей семьей. В ней все казаки являются равноправными членами, нет высшей касты, нет париев. Какую-бы социально-политическую религию не исповедывали казаки, они в внутренней духовной связи не терпят. Сила многовековой исторической традиции, независимой свободной жизни побеждает в казаке все временное, наносное, и в конечном итоге через все это наносное победно выступают казачий дух, казачье сердце. Кроме того, казаки легко могут отказать от ломания копы из-за бесплодного спора о форме будущего казачьего государственного строительства. Для казаков важна одна основная цель, дорог основной идеал, их души поют в унисон об одном: о возрождении Свободного, Вольного Казачества. А Освобожденное, возрожденное Казачество сумеет избрать нужную и достойную себя форму государственного строя...

Все это вместе взятое устраняет для казачьей эмиграции то роковое препятствие, мешающее русской эмиграции превратиться из «общественно-экономического хаоса эмигрантской жизнедеятельности — в общественно-экономический организм».

Нужны только инициатива, умение, энергия тех казачков-эмигрантов, которые для занятия этим делом располагают временем и умением, с одной стороны, и доброй волей, осознанная необходимость со стороны казачьей эмигрантской массы, с другой.

Тогда, при общем усилии, возможно будет создание и таких организаций, как Общество Взаимного Страхования и Взаимного Кредита, создание центрального и сильного казачьего печатного органа и т. д. и т. п., чем и доказать всему цивилизованному миру свое казачье умение при всех условиях жизни прочно устраивать свою судьбу, казачий успех, ибо... «Успех — это единственный критерий, по которому будут судить эмиграцию» там и за границей...

Козак Видолага.

Трагедия Кубанской Армии.

(К 10-летию девятилетия 1920—1929).

(Окончание).

Офицеры написали первые анкеты в Туапсе. Было 38 вопросов — разных и idiotских. И потом их вновь писали много, много раз, в нескольких экземплярах и в каждом городе, куда нас посылали.

В Екатеринодаре писали вторые анкеты. Тут же запросили желающих араться против поляков. Записалось много. Но думка была волчья. Приблизительно на третий день, под конвоем, был введен к нам и генерал Морозов. К чести его, начиная с Екатеринодара — он гордо, порою вызывающе держал себя пред всеми красными.

Мы ему за это многое простили, хотя вначале его именно мы считали виновником сдачи на Черноморском побережье.

Неожиданно всех штаб-офицеров и генералов отправляют в Ростов, в штаб округа, где, яко-бы, дадут назначение на польский фронт. Отнеслись почти доверчиво, а в особенности, когда нас с достаточным комфортом разместили в пассажирских вагонах III-его класса. Это первая группа старших кубанских офицеров, до 80-ти человек, во главе с генералом Морозо-

вым прошла удивительные этапы советской неволи, ничем не пострадала (никого не ограбили, не били и не убивали), была как-бы оберегаема... Группа вела себя замкнуто, спокойно, тактично и серьезно и оставила хороший след за собою, даже в глазах красных верхов. Укажу на два случая, весьма характерных.

В г. Костроме, когда нас перевели из тюрьмы и прикомандировали к запасному полку, нам всем выдали почему-то медные котелки, тогда как солдаты имели обыкновенные. По привычке-ли, или уж так мы были аккуратны, но — всегда, после еды, каждый чистил свой котелок и натирал его песком, отчего он блестел неизменно; но у солдат (красноармейцев), конечно, не то, — так засаленные и оставались. И вот, когда мы попадали в «очередь» к котлу, кашевары, конечно, не могли не заметить этого и тут-же, открыто, громко, вслух бросали: «вот видно, что люди прибыли — котелки то какие чистые, а это красная б.... так и ест е....»

А другой случай: в Екатеринбурге, где было расброшено (после тюрьмы) на службу по разным учреж-